

1-12-63 ССКР

(1)

ЗАМЕТКИ ИЗГНАННИКА

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Хорошо, что „Свободное Слово” пишет о страшной диавольской организации Рима. Про нее никто и никогда не пишет, все думают, что это действительно христианская организация, а на самом деле, это — сугубо антихристианская, диавольская, страшная, сильная и богатая заговорщицкая организация. Стремление у нее: подчинить себе весь мир.

(Зап. Германия)

С. Медвецкий

Лемковщина между двумя мировыми войнами

До первой мировой войны Лемковщина, занимающая западную часть Карпат от г. Сянока к Грибову, Старому и Новому Санчу, до Мушины и Крыницы, — была твердыней русского сознания. Подавляющее большинство священников были тоже russkimi. Русскими же были многие народные учителя, адвокаты и пр. образованные люди. Все усилия новообразовавшейся, — при поддержке австро-польских властей, — партии народовцев - „украинцев” основать на Лемках ячейки мазепинской идеологии, разбивались о стойкость и преданность русских людей.

Грянула первая мировая война. По доносам „украинцев” почти вся русская интеллигенция и десятки тысяч крестьян были арестованы и вывезены в концлагеря. Только немногие вернулись после войны на свои пепелища. Остальные нашли свой вечный покой „под сосновами” Талергофа.

После войны неволю австро-польскую заменила неволю польская. Политический гнет усилился. Усилилось и наступление „украинских” агитаторов и „діячів” на русские села Лемковщины. В это время на Лемковщине существовало уже несколько православных приходов. С усилением „украинской” пропаганды усилилось и стремление к возвращению к св. Православию.

Лемковщина входила в состав Перемышльской епархии, возглавлявшейся еп. Иос. Коцыловским — „украинским” шовинистом. Он то и принял в свою епархию многочисленных бывших „войсковых старшин украинских сичевых стрильців”, которым после войны некуда было деваться. После кратких богословских курсов, паны старшины стали „священниками” и хлынули в русские села, внося туда вместо Слова Божия — „украинский” яд. Как культурный, так и моральный уровень новоиспеченных священников был весьма низкий. Но разве это было важно? Главное было то, что все они были „щирі українці”, а все остальное не играло ровно никакой роли.

Польское правительство было занято полонизацией русского населения на т. наз. восточных кресах (окраинах), разрушением православных храмов, насаждением восточного обряда, украинизацией и полонизацией церковно-славянского богослужения, и поэтому оставило униатской „украинской” иерархии полную свободу, памятуя, что польский граф А. Шептицкий на кафедре митрополита униатской церкви, ревностно будет блюсти польские интересы.

Реакция русских на „украинскую” пропаганду не замедлила проявить себя. Около 60 тысяч лемков возвратились в св. Православие. Моральный удар для униатской иерархии, папского нунция Мармаджи, римо-кат. духовенства и польского правительства был ошеломляющим. Однако Рим не убрал еп. Коцыловского с епархии, не желая, очевидно, настраивать против себя „украинскую супільність”.

Решено было выделить из Перемышльской епархии 136 приходов, подчинить их Апостольскому Администратору, ответственному непосредственно перед Римом. Апостольский Администратор должен был быть русской национальности, русских политических убеждений и с соответствующей подготовкой. Первым Ап. Администратором был намечен свящ. д-р Н. Нагорянский, главный администратор всех униатских военных священников в Польше. Д-р Нагорянский от предлагаемого ему поста отказался. Неповинование Риму даром не проходит: он был уволен с занимаемого им поста и ушел в отставку.

После этого, Апостольским Администратором был назначен свящ. д-р Масюх. Не успел он ознакомиться с приходами, составом настоятелей приходов и делами своей епархии, как скромостижно скончался.

Следующим на этот многотрудный и ответственный пост был назначен свящ. д-р Я. Медвецкий, профессор богословия. Все эти меры не остановили стремления русских лемков возвратиться в веру своих отцов.

Ап. Админ., имевший все права правящего архиерея, уже на первом соборе всех настоятелей приходов поставил важнейшие требования своей епархии ясно и категорически: 1. никакой „украинизации”, ни политической пропаганды в ограде церковной; 2. каждое воскресение и праздник поучение на тему св. Евангелия; 3. обязанность настоятелей приходов вносить мир и любовь в среду прихожан; 4. ни на проповеди ни вне церкви не чернить вернувшихся в православие; 5. переписку с консисторской канцелярией вести на церковно-сла-

1-6-63 ССКР (2)

вянском языке. Священникам, не желавшим подчиниться указанным требованиям, предлагалось уйти в иную епархию, что и сделали некоторые из них.

Мазепинская печать не замедлила поднять шумиху. Посыпались жалобы и доносы папскому нунцию. По обыкновению Рима, все жалобы и доносы оставались без ответа. (Этот прием в настоящее время практикуется также Синодом Прав. церкви заграницей и епископами всех юрисдикций).

Из-за тяжелой и неизлечимой болезни Ап. Администратору пришлось ограничиться только материальной поддержкой русских буре и издательств русских газет и книжечек для крестьян. Особенно во время 2-ой мировой войны нужна была моральная и материальная поддержка русского населения Лемковщины.

После смерти Апостольского Администратора в 1941 г., Генералгубернатор Польши потребовал назначения Ап. Админ. свящ. А. Малиновского, б. войскового старшину. С уходом из Польши немецких войск, перестала существовать и Ап. Администратура.

Необходимо сказать несколько слов об отношении митр. Дионисия (Велединского) к стремлению русских людей Лемковщины возвратиться в св. Православие. Митрополит не принимал никаких шагов для облегчения лемкам вернуться в веру своих отцов. Он скорее был напуган этим стихийным явлением. Несчастный трус и маловер, он в это время сдавал одну позицию за другой полякам и „украинцам” на огромных просторах Виленщины, Полесья и Волыни. Просьбы лемков прислать им прав. священников оставались, как правило, без ответа. Самым преступным поступком предававшего православие честолюбивого и сребролюбивого иерарха, была хиротония во епископа Краковского и Лемковского—Палладия Ведыбиды, „щирого і свідомого українця”. Много горя и разочарования принес он бедным лемкам, но Бог не без милости. С уходом немецких войск из Польши, ушел и Ведыбид, чтобы в Америке осчастливить „вкраїнську суспільність”.

С окончанием второй мировой войны положение лемков стало трагическим. Большинство из них было выселено в СССР, загнано в совхозы, а прятавшихся в карпатских лесах польская полиция постепенно вылавливала, исылала на Поморье, где сплошной песок, чуждая природа, иная обстановка. Только единицам, некоторое время спустя, удавалось вернуться на свои любимые места. Но здесь пришлось все заново отстраивать ибо польская „владза” успела все разрушить.

С. Медвецкий

7-8-66 ССКР

Андрей Карабелеш

ДРУЗЬЯМ

Когда в невзгодах и мученьях
Весь край мой стонет под яром,
И мой народ во всех стремленьях,
Все вечным кажется рабом.

И жизнь так жалобно уныла —
Едва, едва еще горит,
Отчизна будто бы застыла,
И все кругом безумно спит, —

Тогда, мои, вставайте, братья,
Проснитесь, смелые друзья,
Идите в жизненны объятья,
Где спит старинная семья, —

Оковы рабства разбивая,
Будите жизнь в родной стране,
Где спит она, еще зевая,
В глубоком, застоялом сне...

Будите дух родного края,
Где луч души едва горит,
Пусть всюду, хмары разбивая,
Весна свободы заблестит!

Пусть мрак холодный исчезает,
над утомившейся страной,
И луч свободы засверкает
Святой, божественной красой...

Друзья, не бойтесь притиснений,
Не бойтесь каменной тюрьмы,
Ведь раз придет конец мучений,
И раз в борьбе окрепнем мы.

Не бойтесь вражеских руганий,
Не бойтесь вражеской руки, —
Вперед, друзья, без упований,
Вперед без горя, без тоски!

Пока надежда между нами,
Пока струится в жилах кровь,
Готовы биться мы с врагами,
С отважной силой вновь и вновь,

И раз придет пора святая,
Настанет многожданный час,
Проснется сторона родная,
И братья не забудут нас!...

*) Андрей Васильевич Карабелеш (24. IX. 1906 — 4. IX. 1964) — один из самых выдающихся поэтов Закарпатской Руси.

ЭТО М. Григорьев
1922
"Сибирь и Челюст", Лебед.

Среди развалинъ и могиль
Людей, событий и стремлений,
Въ тиши закатныхъ озарений
Съ тобою молча я бродилъ.

Цвѣтовъ опали лепестки,
И лавры на вѣнкахъ завяли,
Въ чаду свѣтильни угасали,
Сливалась съ мракомъ боль тоски.

Съ унылой пѣснью на рѣкѣ
Слилось колоколовъ моленье,
И понять я въ тотъ мигъ значенье
Румянца на твоей щекѣ.

Вступая въ жизнь, мы разошлись,
Но разошлись мы лишь путями,
А наши души въ грозномъ храмѣ
Лучемъ и тѣнью обнялись.

Среди развалинъ и могиль,
Въ тиши закатныхъ озарений,
Ты лучъ, ты явь моихъ видѣній,
Источникъ радости и силь.

На Новый Годъ.

Измученный игомъ, гонимый судьбой,
Не въ силахъ тяжелое вынести горе,
Онъ снова за волю собирается въ бой:
Ta жъ вѣра и та же отвага во взорѣ.

То онъ — богатырь, то онъ — русскій народъ,
Забытый, безмолвный, голодный и хилый,
Исполнившись новой, цѣлительной силы,
Быть благовѣсть Руси быть Новый ей Годъ.

Проснулось въ немъ сердце, и ожило въ немъ
[умъ],
Съ души его сползли прахъ рабства и плѣсень,
Онъ весь пробудился для творческихъ думъ,
Для жизни свободной, для радостныхъ пѣсень.

Покорный величьямъ суровой судьбы,
Молясь, онъ окрѣпъ въ испытаніяхъ жизни
И всталъ онъ на подвигъ священной борьбы,
Что бъ волюшку волю добыть для отчизны.

* * *

Въ души лазоревыхъ затонахъ,
Гдѣ свѣтить взглядъ лишь вашихъ глазъ
Какъ твердь зеркальная бездонныхъ,
Моя любовь къ вамъ родилась.

Ей пѣсни пѣли бездны моря,
И краѣ Карпаты съѣговой,
И шумъ лѣсовъ, и слезы горя,
И запахъ нивы трудовой.

Священно-трепетныхъ преданий
Съ грядущимъ днемъ жива въ ней связь,
Земная быль земныхъ дѣяній
Съ небесной грэзовою слилась.

Сияньемъ звѣздъ ей путь намѣченъ,
Превыше бурь, орловъ и тучъ,
Гдѣ, можетъ быть; никѣмъ не встрѣченъ,
Скитался вашей мысли лучъ...

Лиловый, синій, изумрудный,
Сребристый сонъ души моей,
Незримой жизни отблескъ чудный,
Все выше, выше и свѣтлѣй

Она стезей эфирно зыбкой
Плынетъ — прекрасна и чиста.
И озаряются улыбкой
Мои печальные уста.

* * *

За мрачной гранью бранныхъ бурь,
За огненій завѣсой гнѣва,
Я вижу чистую лазурь
И пышный всходъ благого сѣва.

То Русь, омытая въ крови,
Грядеть съ евангeliемъ смиренья,
Съ глаголомъ братства и любви
На торжество освобожденія.

Простыя, ясныя слова
Простыми рождены сердцами,
Но будто ближе божества
Сталь міръ, проникшихъ ихъ лучами.

Руси израненная грудь,
Расторгнувъ цѣли златовластья,
Ведеть весь міръ на новый путь
Всечеловѣческаго счастья.

Вожди разрозненныхъ племенъ
Дары ей дивные приносятъ
И славу чтутъ ея знаменъ
И мира и защиты просятъ.

* * *

Я усталъ. Миѣ иенавистень
Мутный бредъ людскихъ страстей,
Я усталъ отъ пошлыхъ истинъ,
Отъ враговъ и отъ друзей.

Стая злыхъ, тупыхъ, холодныхъ,
Трупъ подъ сгнившою парчей! —
Нѣть живыхъ, нѣть благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой.

Вѣру въ доблесть подрываетъ
Зависть жадная невѣждъ,
Ядъ сомнѣній разъѣдаетъ
Души полныя надеждъ.

Одинокъ, забыть, печаленъ,
Межъ своихъ чужой брошу
И съ тоской на храмъ развалинъ
Свѣтлыхъ, юныхъ сновъ гляжу.

Но какъ пламень неугасный
Въ грозной тымѣ лѣдяныхъ полей
Тихо свѣтить взоръ твой ясный
Въ глубинѣ души моей.

* * *

Прошла гроза. За дальней тучей,
Сверкнувъ, замолкъ послѣдній громъ.
Лишь волны грозовыхъ созвучий
Скользятъ прохладою летучей
И таютъ въ воздухѣ сыромъ.

Прошла гроза. Въ лѣсномъ ущельи,
Гдѣ молнией блескъ былъ ярче звѣздъ,
Дыханіемъ смолистымъ ели
Свѣжать слашавый запахъ прѣли,
И снова свищетъ мокрый дроздъ.

Прошла гроза. Ни волоконце
Не тянется по небесамъ.
Какъ въ храмѣ въ разноцвѣтъ оконце
Изъ слезъ весны въ лазури солнце
Ткетъ чудо-арку лѣтнимъ снамъ.

А на замкѣ дружинники вѣпоры
За ковшами сидѣли и брашнами,
Пѣли пѣсни гусляры разгульныя,
У бояръ были головы пьяныя...

Во странѣ жь, на родимой сторонушкѣ,
На Днѣстрѣ, на Збручѣ и на Серетѣ
Алымъ полыменъ степь занимается,
Озаряется ночи тьма темная:
Изъ костей встаютъ мстители грозные,
Подымаются витязи славные,
Собираются силы несмѣтныя...
Денно нощно тамъ ждутъ-ожидаются,
Что вожди къ нимъ удалые явятся,
Поведуть ихъ на битву на рать,
За отчину, за Русь умирать...

• • • • •

До сегодняшня дня дожидаются...

Зовъ Родины.

Я ваша боль, я скорбь святая ваша,
Сквозь тьму вѣковъ провидѣній вашъ лучъ,
Я — ваша жизнь: какъ жертвенная чаша
Мнѣй духъ вашъ полнъ, мнѣй живъ онъ и могуучъ!

Какъ вы — я пепель, скованный въ могилѣ...
Но шли вѣка, и въ пеплѣ жаръ не гасъ.
И вы воскреснете со мною въ силѣ,
И въ славѣ мертвые воскреснуть въ васъ!

Уже моей вѣковъ страстной седьмицы
Исполнилася ночь шестая мукъ,
Дрожитъ земля, кровавъ восходъ денницы,
И лица палачей сковаль испугъ.

Придите жь, кто мой крестный путь устлали
Цвѣтами лучшихъ помысловъ и дѣлъ,
Бодритесь всѣ, кто за меня страдали,
Свершенній — бдите! — близится предѣлъ!

Великихъ предковъ тѣни сребросвѣты
По градамъ весямъ Руси разошлись,
Навстрѣчу имъ, какъ чудо, самоцвѣты
Святыни Москвы и Киева зажглись.

И чуется временъ раскрытої тайна:
Грядущаго узоры такъ ясны,
Какъ судныхъ дней огни. О! не случайно
Сыны отчизны снамъ вѣковъ вѣрны!

Подъ мечный звонъ, въ дыму кровавой сѣчи,
Въ страстной годинѣ огненной пыли
Отверзлась радость всенародной встрѣчи
Съ явленнымъ лицомъ матери Земли.

**
Я рожден в глухих лесах Полесья,
В голубых задумчивых лесах.
Оттого овеян грустью весь я
И осколки озера в глазах.

В волосах медвяный запах проса
И загар — волнующейся ржи.
По утру меня ласкали росы
Серебристой полевой межи.

Пусть печален горький день вчерашний,
Схороненный у родных могил...
Но плечом к плечу в труде над пашней
Я людей, как братьев, полюбил.

Не с душой, огнем опустошенной —
К ним пришел я кроток, прост и тих,
Молодым веселым пастушенком
С ними жить, для них слагать свой стих.

И любовью светлой осенний
Деревням, mestechкам, городам,
Утомленным хмурым россиянам —
Людям радость всю свою отдал.

И тропой истоптанной и узкой
Пронесу сквозь сумрак диких орд
Не спесив, но непреклонно горд
Сердцу дорогое имя русский.

1926.

ПИСЬМО ПРЯШЕВЧАНИНА НА ЕГО РОДНОМ НАРЕЧИИ

...Товариш редактор, я несподевано достав ваш журнал и я его пару разов прочитав. Як я вам ту повыше спомнул, мене мадьяре не научили добре читати на жадном наречию. Они лем хотели Мадьяр Орсаг (мадьярскую державу) ставити. То-то робила и польска шляхта — от моря до моря. Но не липши ани днешни там у нас на пряшевщине волошиновцы — самостийники викраинцы.

Но я скажу, хоть нас недоучили, но мы зато дуже добре знаєме нашу Карпатску Русь и неделиму Русь и историо наших предков. А то ты там на родной нашей земли, як и тут декотри переучены, хотели бы нашу Русь затерти. Но я не думаю, чтобы такое им удалось! Раз уже должна правда неправду победити. Я вызываю весь наш карпаторусский и лемковский народ, абы уже раз пробудилися, де бы они ни были и не дали погинуть нашему народу...

...Прочитавши ваш журнал, я вычитал, як много мы маем тут ученых и богатых наших родаков. Мне стає дуже жаль что они так слабо интересуются своим народом, из якого они происходят.

Я вас зву, дорогеньки наши родаки, тут на американской и канадской земли, и де бы вы не были, станьме разом во оборону нашего народа. Наши головны лидеры повинны зойтися на еден великий карпаторусский конгресс и выпобити одну программу...

На мою думку, я увереный на 75 процентов, что коли вы соединилися бы с Лемко-Союзом и редакциею „Карпатская Русь”, то можно бы великую роботу зробити между нашим народом;

GP 17

1-2 I-II-61
Карпатская Русь
ССКР

КОЛОКОЛА

Несется благовест... Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла...

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест... И ласково, и нежно
З далекой Родины звучат колокола...

K. P.

на то я увереный на 100 процентов. Могла бы газета „Карпатска Русь” выходити на таком наречии, як теперъ выходит; а тот журнал, который вы издаете — на нашем литературном наречии, а так само и „Лемко” — журнал, на английском наречии, про нашу молодежь. Як бы вы в одной редакции робили вместе, то мало бы великий успех, ибо уже теперь иначе не можно и думати: нова емиграция до нас не буде больше доходити. Если хочеме задержати то, что у нас есть, то не треба откладати на дале, лем братися до дела, пока есть еще час...

...Так само вы мне спомнули за самостийников-викраинцев. Мы их дуже добре познали. Они бы Христа Бога продали за тот иудин гропи. Тоты нам, карпаторусскому народу наробили много шкоды, и роблять и теперь...

Оставам с приветом

Василь А. Греню
(Канада - Виндзор)

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

....Нужно сказать прямо: самые распространенные русские газеты и журналы издаются не только не русскими людьми, а прямо врагами нашего народа. Эта „русская” пресса предназначена для того, чтобы калечить и растлевать наш народ и нашу веру. Возьмите хотя бы „Новое Рус. Слово”. Со страниц этого органа мы — русские люди, получаем ядовитые плевки в наши лица, над нами насмехаются, клевещут на нас, а мы читаем эти гнусные строки и убеждаем друг друга, что это не выходки хама и клеветника, а дискуссия, обмен мнений, полемика....

Иван Задельский

1-6-63

ССКР

КАРПАТОРУСАМ

Посв. У. Ш.

Вы дети дальних брызг народа нам родного,
Себя сплели вы с нашею судьбой
Не в светлый час, в час испытания злого,
Под грозный бури блеск, под грохот грозовой.
Мы вместе учимся священному уменью
Борьбы, молитвы, веры и труда,
Чтоб вместе нам дождаться воскресенья
Любимой родины — единой навсегда.

А. Нельской